

Россия в лекциях для наследников престола (1860-е годы)

Фёдор Мелентьев

Russia in the lections for the Heirs to the throne, the 1860s
Fedor Melentev (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Воспитание и образование наследников престола Российской империи в последние годы всё чаще привлекают внимание историков, педагогов и культурологов¹. Как отмечают исследователи, особое значение «царская педагогика» приобрела в эпоху Великих реформ, когда в стране менялся характер социальных отношений, усложнялось управление государством и возрастала роль общественного мнения². Всё это не могло не влиять на ход обучения сыновей Александра II. На его завершающем этапе (соответствовавшем по характеру и объёму прохождению университетского курса) основной формой учебных занятий великих князей Николая Александровича (1843–1865) и Александра Александровича (1845–1894), ставшего наследником престола после смерти старшего брата, были лекции. Они охватывали широкий круг дисциплин (история зарубежных стран, России, войн, русской литературы и европейской философии, логика, политическая экономия, финансы, статистика, энциклопедия законовещения, церковное, русское, гражданское, полицейское, государственное и международное право, стратегия, тактика, артиллерия, фортификация и военная администрация) и обычно читались профессорами Военной академии и университетов, специально приезжавшими для этого во дворец. Среди них – И.К. Бабст, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Х. Бунге, Ф.И. Буслев, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев, С.М. Соловьёв, М.М. Стасюлевич, А.И. Чивилёв, Б.Н. Чичерин и др. Характерно, что в их приглашении образованное общество увидело возможность повлиять на формирование взглядов великих князей³.

По окончании каждого занятия преподаватели, как правило, отдавали ученикам листы с текстом лекций для повторения и самостоятельного изучения.

© 2017 г. Ф.И. Мелентьев

¹ См., например: *Зимин И.В.* Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010; *Бокова В.М.* Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М., 2011; *Мазалова М.А.* Генезис воспитательных традиций в семье русских императоров в XVIII – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 1. С. 90–94; *Подделкова П.Е.* Культурное пространство воспитания монарха в императорской России. Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015; *Лелина Е.И.* Формирование системы обучения и воспитания наследников престола в императорской России // Альманах современной науки и образования. 2016. № 6. С. 54–59.

² *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 237.

³ *Секиринский С.С., Филиппова Т.А.* Родословная российской свободы. М., 1993. С. 89–105.

Значительная часть этих материалов сохранилась, и некоторые лекционные курсы уже рассматривались исследователями⁴. Однако до сих пор не выяснено, что собственно царские сыновья могли узнать на лекциях о России, которой их готовили управлять.

Не случайно при обучении наследников престола важная роль отводилась отечественной истории и литературе. Обращаясь к прошлому, великие князья должны были осознать место России в мире и увидеть перспективу её дальнейшего развития. «Чтобы безошибочно и разумно судить о современности, — утверждал профессор Московского университета Ф.И. Буслаев, в 1859—1860 гг. читавший лекции вел. кн. Николаю Александровичу, — надобно, вооружившись идеями всех прошедших веков, стать выше её, надобно над нею господствовать, и именно это-то нравственное, несокрушимое господство над случайностями временных направлений эпохи воспитывает в нас история литературы»⁵. Это заметно повышало значимость предмета, на первый взгляд казавшегося факультативным, и вполне соответствовало пожеланиям попечителя наследника гр. С.Г. Строганова (в семье которого Буслаев в своё время был домашним учителем). Приглашая учёного, граф призывал его продемонстрировать цесаревичу, что древнерусская словесность (и прежде всего — фольклор) «служит выражением духовных интересов народа»⁶. Именно так Буслаев и сформулировал цель своего курса⁷.

Знакомя вел. кн. Николая Александровича с народным творчеством, Буслаев не только пересказывал и цитировал русские и иностранные фольклорные произведения, но и сравнивал их друг с другом, обнаруживая между ними сходство и объясняя его единством исторических корней России и Европы. Близкий к западникам, но отрицавший крайности их учения, профессор подобно немецким романтикам считал русский народ молодым и ещё только начинающим действовать. «Жизнь русская, — утверждал он, — свежа и молода, и богата высокими залогами умственного, нравственного и художественного развития». Поэтому и в современном «бессилии наших писателей искренно любить своё, открывать в русской жизни хорошее и поэтически им воодушевляться» Буслаев видел «только временное,

⁴ См., в частности: *Ананьич Н.И.* Материалы лекционных курсов Н.Х. Бунге 60—80-х годов XIX в. // *Археографический ежегодник за 1977 год.* М., 1978. С. 304—311; *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 12; *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000. С. 176; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 141—145; *Тимошина Е.В.* «Я вижу ясно путь и истину» // *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. С. 20—21; *Долгих Е.В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006. С. 38; *Томсинов В.А.* Вопросы судебной реформы в творчестве К.П. Победоносцева // *Закон.* 2010. № 2. С. 7; *Полунов А.Ю.* Прошлое глазами консерватора: к вопросу об историко-правовых воззрениях К.П. Победоносцева // *Ключевские чтения — 2011.* Т. 2. М., 2011. С. 80; *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 18.

⁵ Лекции Ф.И. Буслаева е.и.в. наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859—1860 г.) // *Старина и новизна.* Кн. 8. М., 1904. С. 102. Подлинные тексты лекций Буслаева хранятся в коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, куда они попали из библиотеки Александра III в Аничковом дворце (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2586, ч. 1—2). Копия лекционного курса была передана Буслаевым в Румянцевский музей: ОР РГБ, ф. 429, карт. 2, д. 4.

⁶ *Буслаев Ф.И.* Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003. С. 329.

⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 2, д. 311, л. 4. Копию программы курса Буслаева см. также: РГАЛИ, ф. 69, оп. 1, д. 10, л. 12—39. Подробнее см.: *Злобина Н.Ф.* Проблема историзма в литературоведческой концепции Ф.И. Буслаева (по материалам РГАЛИ) // *Преподаватель XXI век.* 2009. № 3. С. 323.

переходное», хотя и, «без сомнения, болезненное состояние нашей литературы». При этом, по его мнению, «прямым выходом из этого ненормального состояния может быть только истинное европейское просвещение»⁸. Так завершился курс Буслаева, настолько понравившийся вел. кн. Николаю Александровичу, что он сам читал эти лекции приближённым и даже собирался преподавать «русский язык и словесность» своей невесте — датской принцессе Дагмар⁹.

О Древней Руси вел. кн. Николаю Александровичу рассказывали ещё во время прохождения «общеобразовательного» курса «инспектор классов» великих князей Я.К. Грот¹⁰ и профессор Петербургского университета К.Д. Кавелин¹¹. Судя по конспектам цесаревича, в 1857—1858 гг. Кавелин рассуждал про лежащее в основе русской государственности «одно общее начало со всеми другими христианскими государствами, с тою разницею, что прочие государства развились на Западе, а России суждено было действовать на Востоке, вдалеке от образованного мира»¹². Лекции по истории России XVIII в. «с высочайшего его величества соизволения», но «по избранию» гр. Строганова в 1860—1863 и 1866 гг. читал наследникам престола другой западник — декан историко-филологического факультета Московского университета С.М. Соловьёв¹³. Записи его курса представляют собой комментарии к различным историческим сюжетам (от воспитания Петра I до третьего раздела Польши), изложенным в «учебной книге», которую должны были самостоятельно читать великие князья¹⁴. Изучали они и тома «Истории России с древнейших времён». По крайней мере, К.П. Победоносцев упоминал в дневнике, что на столе вел. кн. Александра Александровича в 1866 г. «лежал 13 т[ом] Ист[ории] Соловьёва, где Сол[овьёв] задал ему прочитать первую главу (“Россия перед эпохою преобразования”. — Ф.М.)»¹⁵.

В своём курсе Соловьёв исходил из того, что «не может быть истории правительства без истории народа, не может быть истории народа без истории правительства». Если Буслаев считал критерием развития народа словесность, то Соловьёв усматривал «измерение сил народных» в войнах и особо отмечал влияние природных факторов¹⁶. Однако между подходами историка и филолога не было резкого противоречия, в их изложении история русского народа органично сочеталась со становлением российского государства. При этом

⁸ Лекции Ф.И. Буслаева... // Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. С. 306.

⁹ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826—1865. М., 1896. С. 40, 96. При этом, вопреки мнению некоторых историков, вел. кн. Александру Александровичу Буслаев не преподавал.

¹⁰ См. составленную Гротом «краткую записку о занятиях государя наследника по русскому языку и русской истории»: ОР РГБ, ф. 285, карт. 3, д. 10, л. 1 об.—2 об.

¹¹ Курс лекций Кавелина по русской истории и выдержки из него см.: ОР РГБ, ф. 548, карт. 10, д. 1; ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 1, л. 40—48 об.

¹² ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 1, л. 49.

¹³ РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 67, л. 1.

¹⁴ Имелось в виду издание: Соловьёв С. Учебная книга русской истории. М., 1859. Следует отметить, что вместе с лекциями Соловьёва хранятся также печатные оттиски его статей «Алексей Петрович Бестужев-Рюмин», «Рассказы из русской истории XVIII века. Птенцы Петра Великого» и «Монах Самуил (страница из истории раскола)» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 3, л. 80—114). Кроме того, профессор прочёл специальный курс по польской истории (Там же, д. 3132, ч. 4), с которого, судя по дневнику вел. кн. Александра Александровича, Соловьёв начал своё преподавание новому наследнику (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 146 об., 156).

¹⁵ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 99.

¹⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 3, л. 59.

Соловьёв был в восторге от способностей вел. кн. Николая Александровича и говорил, что «если б из Московского университета выходил раз в десять лет один студент с познаниями русской истории, каковые имел цесаревич, то он считал бы своё призвание исполненным»¹⁷.

К вел. кн. Александру Александровичу Соловьёва пригласили, когда тот стал наследником престола, а до этого, в 1864–1865 гг., с историей России его знакомил К.Н. Бестужев-Рюмин (племянник казнённого М.П. Бестужева-Рюмина), занявший в 1865 г. кафедру в Петербургском университете. Его обстоятельный курс начинался с расселения славянских племён и заканчивался характеристикой царствования Екатерины II (учитывая полноту и систематичность этих лекций, замена преподавателя вызывает некоторое удивление и объясняется, видимо, исключительно личным авторитетом Соловьёва). Как и Соловьёв, Бестужев-Рюмин уделял особое внимание государственным институтам и политическим событиям, осуждал жестокость Ивана Грозного и бироновщину, осторожно касался болезненных сюжетов, связанных, например, с судьбой императора Ивана Антоновича или гибелью Петра III¹⁸. Поэтому неудивительно, что, узнав об исследовании барона М.А. Корфа, посвящённом Брауншвейгскому семейству, вел. кн. Александр Александрович выразил желание прочесть эту рукопись¹⁹.

Высоко оценивая значение петровских преобразований, Бестужев-Рюмин в то же время отмечал, что «внешний блеск, приданный России реформой Петра В[еликого] и составлявший главную цель стремлений его первых преемников, так и оставался только внешностью, внутри же Россия второй четверти XVIII века как по своим финансовым средствам, так и по своей администрации и в особенности по нравам и обычаям оставалась весьма близко к России XVII в.». И хотя Екатерина II, о которой, по словам Константина Николаевича, «старик со слезами умиления» вспоминали как о «матушке-государыне»²⁰, стремилась искоренить имевшиеся недостатки, наследие, доставшееся её преемникам, во многом оказалось тяжёлым.

Знакомство с событиями и процессами XVIII в. должно было облегчить великим князьям понимание организации и развития государственного управления империи. Ведь план Строганова предусматривал, что именно юридические и политические науки смогут «положить основание» высшему образованию наследника престола²¹. Вел. кн. Николай Александрович планировалось обучать законоведению ещё в рамках общеобразовательного курса. Для этого в 1857 г. тогдашний наставник великих князей В.П. Титов пригласил К.Д. Кавелина. «Я должен, — писал Константин Дмитриевич М.Н. Каткову о задачах, поставленных Титовым, — вложить в молодую душу и голову наследника, будущего русского царя, правильные понятия о праве, законе, справедливости, обязанности, внушить здравый взгляд на юридические и административные явления, в которых выражается жизнь каждого человеческого общества. Надобно сделать эти предметы доступными голове 13-летнего ребёнка,

¹⁷ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома... С. 116.

¹⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 2, л. 34, 169, 173. Так, Бестужев-Рюмин сообщал, что «Пётр был перевезён в Ропшу и через шесть дней он умер». Вместе с тем им приводилось и мнение кн. Е.Р. Дашковой, утверждавшей, что «Пётр убит Орловыми; но Екатерина в этом не участвовала» (Там же, л. 177).

¹⁹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 8.

²⁰ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 2, л. 144, 207 об.

²¹ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 985, л. 1 об.

заинтересовать его к подобного рода занятиям и к предмету и поднять на известную нравственную высоту, которой требует внимание более сердцем, чем головою в такие материи»²².

Готовя курс «энциклопедии законоведения», Кавелин рассчитывал прежде всего на эмоциональное восприятие материала учеником. Поэтому вместо систематического обозрения отраслей права он сосредоточился на рассмотрении и разъяснении наследственного дела вдовы крестьянина Гусарова. Разбирая вместе с вел. кн. Николаем Александровичем обстоятельства этого процесса, Кавелин раскрывал особенности социальной структуры Российской империи (например, пояснял статус приписного крестьянина, каковым являлся Гусаров), рассказывал о принципах завещания и наследования имущества, основах деятельности кредитных установлений и проч.²³ Однако весной 1858 г. занятия внезапно прервались: профессор был уволен от преподавания цесаревичу из-за своей статьи об условиях освобождения крепостных, противоречившей тогдашним правительственным замыслам и вызвавшей недовольство Александра II²⁴. «Занятия мои с его высочеством, — с горечью констатировал Кавелин в письме к Титову, который также был отстранён от руководства образованием наследника престола, — продолжались только несколько месяцев; никаких результатов они не принесли и не могли ещё принести»²⁵. В 1861 и 1863 гг. лекции по энциклопедии права великим князьям читал преподаватель Петербургского университета и Училища правоведения И.Е. Андреевский, но материалы его курса не сохранились²⁶.

Особое место в ознакомлении наследников престола с правовой системой Российской империи занимали беседы перед принесением присяги по достижении совершеннолетия. Ещё в 1834 г. Николай I поручил М.М. Сперанскому приготовить вел. кн. Александра Николаевича к присяге и изложить ему «понятие о законах вообще, разделение их и разные виды, краткий очерк истории русского законодательства и сущность основных законов нашей империи»²⁷. В свою очередь Александр II возложил ответственность за такие же беседы с великими князьями Николаем и Александром Александровичами в 1859 и 1865 гг. на ближайшего сотрудника и биографа Сперанского — барона М.А. Корфа (он же в 1847—1848 гг. читал курс законоведения вел. кн. Константину Николаевичу). Характерно, что записи «бесед»

²² ОР РГБ, ф. 120, карт. 4, д. 4, л. 4—4 об. Рассуждая об образовании наследника, Титов утверждал, что «прямая обязанность царя — научиться быть справедливым», а достичь этого было можно, обучая его праву и экономике, т.е. наукам «прав и обязанностей» и «нужд и средств» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 970, л. 2 об.).

²³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2519. Некоторые конспективные записи лекций Кавелина имеются в записной книжке вел. кн. Николая Александровича (Там же, ф. 665, оп. 1, д. 6а, л. 3 об.—4), а в материалах личного фонда Александра III можно обнаружить «окончательное решение дела Гусаровых» за подписью цесаревича Николая Александровича (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 38—38 об.).

²⁴ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 158.

²⁵ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома... С. 33.

²⁶ Имеются лишь разрозненные конспективные записи вел. кн. Николая Александровича (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 1—6 об., 9—11). Подробнее см.: Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 268, 298, 340, 345.

²⁷ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 344.

Корфа и Сперанского во многом совпадали²⁸. Первоначально барон вообще не собирался составлять собственный текст, однако вел. кн. Николай Александрович попросил его изложить содержание занятий на бумаге²⁹. В 1865 г. Корф поручил переписать этот курс для вел. кн. Александра Александровича³⁰, присовокупив «краткий очерк слов», сказанных перед началом бесед новому наследнику престола³¹.

Как и Сперанский, Корф рассказывал о «разделении законов», происхождении «общежительного союза, или государства», истории русского законодательства, основных законах Российской империи и некоторых государственных учреждениях. Однако в отличие от Сперанского, избегавшего оценивать законодательство XVIII — начала XIX в., Корф не скрывал критического отношения к либеральным проектам того времени. «Всё это было так преждевременно, — писал он о работах Уложенной комиссии Екатерины II, — так незрело и так тщетно, что один только внешний блеск предприятия мог на минуту ослепить людей малорассудительных». Столь же несвоевременным представлялось барону желание Александра I «увенчаться бессмертием, извлеки свой народ из рабства и дав ему твёрдые политические установления» в виде конституции. Вместе с тем Модест Андреевич горячо одобрял издание Николаем I Полного собрания и Свода законов. Тем самым император избрал «путь, совершенно противоположный прежним, а именно от сочинения *новых* законов обратился к тому, чтобы прежде вполне собрать и привести в порядок те, которые *уже существуют*»³².

Осуждая «ложную» философию эпохи Просвещения, представители которой «ниспровергли нравственность и нравоучение, отторгли науку от религии, а народы и царства от Провидения», Корф, как и Сперанский, считал заблуждением теорию возникновения государства в результате «общественного договора». При этом барон полагал, что «стремление допытываться первоначальных оснований человеческих обществ... иногда столько же опасно, сколько и умствовать о догматах веры», и переносил проблему в религиозно-метафизическую сферу. Вслед за Сперанским он утверждал, что земные общества «суть преддверие другого, высшего общества, предназначенного нам в вечности, а выражение верховной власти на земле: “Божиею милостию” не есть выражение произвольное, но великая, коренная истина, которую люди ни изгладить, ни переменить не могут»³³.

Теории философов XVIII в. опровергались и преподавателем одной из столичных гимназий И.И. Пискарёвым, знакомившим в 1865 г. вел. кн. Александра Александровича с русским государственным правом. По мнению Пискарёва, само существование монархии свидетельствовало об ошибочности представлений, будто «государственная власть находится всегда

²⁸ Сперанский М.М. Четыре «беседы» с наследником престола // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4. С. 66–82.

²⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2613, л. 2. «Его лекции чрезвычайно занимательные, и он так хорошо говорит, что я слушаю его с большим удовольствием», — писал цесаревич отцу (Там же, ф. 678, оп. 1, д. 814, л. 1–1 об.). Содержательными и интересными считал впоследствии беседы Корфа и вел. кн. Александр Александрович (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 4, 8).

³⁰ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2593.

³¹ Там же, д. 2837.

³² Там же, д. 2613, л. 43 об.–44, 44 об., 48 об. Здесь и далее курсивом переданы подчёркивания, сделанные в подлиннике.

³³ Там же, л. 14–15.

у народа неотчуждаемо». В то же время он утверждал, что «нет государства, в котором не было бы своих основных органических законов, своего государственного устава, или конституции». И каждый новый законодательный акт «должен быть сообразован с духом времени, национальностью государства, его территориальными условиями, гражданским и политическим положением и, наконец, он должен быть согласован не только с системой законов действующих, но также с узаконениями прежнего времени: без исторического познания ряда прежних узаконений труд составления проекта часто бывает бесплоден». Однако впоследствии, когда в Зимнем дворце задумались о завершении образования вел. кн. Александра Александровича, лекции Пискарёва, нацеленные на изложение «общих теоретических положений» русского права и «главных оснований государственного устройства в других образованных государствах»³⁴, было решено дополнить более детальным и научным курсом.

Прочёл его в 1866 г. К.П. Победоносцев. «Новый цесаревич, — вспоминал Константин Петрович в письме к Николаю II, — слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания»³⁵. В отличие от Пискарёва Победоносцев подробно рассказывал о российских сословиях, городском имуществе и управлении, государственных и бывших крепостных крестьянах, земских и центральных учреждениях, особенностях развития социальных групп и институтов в России и на Западе, влиянии природных условий. «У нас, — напоминал Победоносцев, — огромные, пустые, ровные пространства, бедность промыслов, скудость населения, — всё это препятствовало людям утвердиться на месте и устроить прочную организацию местных союзов; напротив — способствовало передвижениям и переходам»³⁶. Видимо, именно эти представления о стране выразились затем в хрестоматийной фразе Победоносцева о том, что Россия — «ледяная пустыня без конца-края, а по ней ходит лихой человек»³⁷.

Если «учебной книгой» по истории России великим князьям служили труды Соловьёва, то лекции о русском государственном праве опирались на изучение Свода законов. «Был у меня Победоносцев и читал, — отмечал вел. кн. Александр Александрович в дневнике, — принёс записки для повторения и многое просил прочесть из Свода законов»³⁸. На полях своего курса Победоносцев давал ссылки на наиболее важные его части и статьи, а цесаревич ставил крестики цветным карандашом по их прочтении. Начало каждой новой лекции цесаревич отмечал S-образной косой линией с двумя точками, которая в делопроизводстве того времени означала ознакомление с документом³⁹. Впрочем, Константин Петрович был не в восторге от способностей нового

³⁴ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 6, л. 10 об.—11, 12, 53, 1.

³⁵ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 331. В декабре 1866 г. Победоносцев также начал преподавать русскую историю цесаревне Марии Фёдоровне (РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 26, л. 8 об.).

³⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 4.

³⁷ Гунпиус З.Н. Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904–1905) // Гунпиус З.Н. Собр. соч. В 15 т. Т. 13. М., 2012. С. 493.

³⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 158.

³⁹ В составленной Александром II в 1876 г. инструкции, определявшей порядок рассмотрения представлений наследником престола, говорилось, что такой знак следует ставить «на докладах, где не испрашивается какого-нибудь разрешения, а просто доводится до сведения» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 657, л. 1 об.).

ученика. «Сегодня я пробовал спрашивать в[еликого] кн[язя] о пройденном, хотя он не приготовился, — записал профессор в дневнике 10 февраля 1866 г., — чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего — и бедность сведений или, лучше сказать, — бедность идей удивительная»⁴⁰.

Готовиться к занятиям с Победоносцевым, Соловьёвым и преподавателем финансов и статистики Ф.Г. Тернером вел. кн. Александру Александровичу помогал вращавшийся при Дворе выпускник Училища правоведения кн. В.П. Мещерский, служивший тогда чиновником особых поручений при министре внутренних дел. С трудом справляясь с большим объёмом лекций Победоносцева и его мелким почерком, цесаревич вынужден был прибегать к услугам князя, укреплявшего тем самым своё влияние на наследника престола. В частности, по материалам Победоносцева он составил конспекты о земских и центральных государственных учреждениях, а также таблицу о предметах ведения Государственного совета, Сената, Комитета и Совета министров⁴¹. «Высшая административная власть, — резюмировал Мещерский рассуждения Победоносцева о проблеме единства управления, — разбросана между I департаментом Сената, министрами, Комитетом министров, Государственным советом и Советом министров, но объединяющего учреждения нет — так же как нет учреждения с правом контроля над всеми министрами»⁴². В лекциях по гражданскому праву, которые в 1862 г. Победоносцев читал вел. кн. Николаю Александровичу⁴³, а с 1866 г. и вел. кн. Александру Александровичу⁴⁴, преподаватель не раз сетовал на отсутствие единства управления. Так, ещё 15 января 1862 г. он «описывал наследнику беспорядочность нашего законодательства, как у нас высоч[айшей] властью освящается не только обсуждённое Советом, но и единоличный доклад министра»⁴⁵. Конечно, к тому времени это была, по словам Е.В. Тимошиной, «довольно традиционная критика единоличных докладов»⁴⁶. Но любопытно то, что она звучала уже на учебных занятиях во дворце.

Будучи цивилистом по специальности, Победоносцев, опираясь на свои университетские лекции и «подробный конспект преподавания гражданского права и русских гражданских законов», составленный для студентов Московского университета⁴⁷, знакомил великих князей с гражданским правом и с особенностями данной сферы правовых отношений. При этом он подробно характеризовал права дворянских, городских и сельских обществ, рассматривая их в сравнительном историческом и международном контексте. В частности, зависимость русского дворянства от государства он объяснял тем, что, в отличие от Западной Европы, «у нас не было рыцарства; не было и организованного дворянского сословия»⁴⁸. Тем самым история социальных групп и институтов помогала понять их современное состояние.

⁴⁰ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 99.

⁴¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 36–37, 48–49 об., 82; ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 42–42 об.

⁴² Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 49 об.

⁴³ Там же, д. 2725.

⁴⁴ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 243.

⁴⁵ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁴⁶ Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 140.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2725, л. 10–51.

⁴⁸ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 243, л. 91.

Большое внимание в лекциях уделялось крепостному праву. Вел. кн. Николай Александрович, конечно же, был наслышан о его отмене — именно старшему сыну Александр II подарил перо, которым подписал манифест 19 февраля 1861 г. Незадолго до этого вел. кн. Константин Николаевич, председатель Главного комитета по крестьянскому делу, беседовал с племянником о значении готовившегося преобразования⁴⁹ и, вероятно, упомянул про уступки, на которые пришлось пойти реформаторам. Так или иначе, перед лекцией о крестьянском «Положении» вел. кн. Николай Александрович ожидал, что речь пойдёт, «как следовало бы написать его и как не написали»⁵⁰. Во всяком случае, в некотором несовершенстве реформы в 1862 г. он уже был убеждён. Победоносцев же надеялся на то, что после его занятий цесаревич «будет теперь знать, чего стоило и как трудно было написать» это «Положение»⁵¹.

Не менее сложным представляло в лекциях Победоносцева и устройство деревенского быта. Так, община изображалась в них своеобразной формой самосохранения «мира» и гарантом его стабильного существования: «Под прикрытием общей, круговой ответственности сельская община прожила несколько столетий, сохраняя в себе семена будущего развития, и в эпоху преобладания личной силы, под гнётом личного вотчинного произвола, успела удержать и целость свою, и идею общего органического союза, и своё государственное значение. Настоятельность государственных повинностей, лежавших на *целой* общине, сделала неизбежным поддержание её целости и тем самым обеспечивала политическое и юридическое значение сельского общества не только у свободных, но и у крепостных крестьян»⁵².

О законах благоустройства и благочиния вел. кн. Николаю Александровичу в 1863 г. рассказывал И.Е. Андреевский. Разработанная им концепция полицейского права предусматривала освещение различных сторон общественной жизни, включая структуру «полиции исполнительной», способы обеспечения внутренней безопасности государства, цензуру, паспортную систему, медицинские меры, государственную благотворительность, «попечение правительства о духовном благосостоянии народа» и формы поддержки сельского хозяйства, торговли, «фабричной, заводской и ремесленной промышленности»⁵³. Для сравнения преподаватель каждый раз приводил краткий обзор английских, французских, германских и австрийских законов.

Ознакомление великих князей с экономическим положением России в эпоху Великих реформ представлялось столь же важным, сколь и созвучным общественным настроениям⁵⁴. Однако оно наталкивалось на объективные трудности. «Высшее начальство было тогда озабочено завершением образования наследника престола Николая Александровича.., — вспоминал А.Н. Куломзин, которому была поручена подготовка материалов для ознакомления цесаревича с финансами. — Истории наших финансов

⁴⁹ 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 306, 286.

⁵⁰ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 7 об.

⁵¹ Там же, л. 8.

⁵² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 243, л. 18 об.—19.

⁵³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2749, ч. 1.

⁵⁴ Христоворов И.А. Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ // Историк и Художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 157–170.

не существовало. Мало того, источники для такой истории не были раскрыты»⁵⁵. Неудивительно, что А.И. Чивилёв⁵⁶, который читал в 1862 и 1864–1865 гг. великим князьям Николаю и Александру Александровичам политическую экономию, вовсе не приводил никаких примеров, связанных с российским государственным хозяйством, — в основном всё сводилось к изложению основных экономических законов и рассуждениям «о мерах и учреждениях, посредством которых *можно* содействовать успешному достижению цели народного хозяйства, т.е. совершеннейшему удовлетворению нужд, как частных, так и общественных»⁵⁷.

Профессор Университета св. Владимира Н.Х. Бунге в лекциях по теории финансов, прочитанных в 1863–1864 гг. вел. кн. Николаю Александровичу, напротив, старался показать структуру расходов империи, указать средства, используемые для удовлетворения её потребностей, рассказать о государственных имуществах, доходах с горной промышленности и податях с промыслов, личных налогах и косвенных податях, таможенных податях, а также об акцизах на табак, соль, сахар и напитки⁵⁸. Отразились в его курсе и ожесточённые споры фритредеров и протекционистов. В период обучения великих князей действовал таможенный тариф 1857 г., смягчавший прежнюю запретительную систему⁵⁹. Как отмечал профессор, этот тариф, «несмотря на значительную сбавку пошлин, даёт защиту довольно существенную и содержит в себе подати с потребления колониальных товаров довольно высокие». Оправдывая его, Бунге утверждал, что ещё по замыслу Петра I тарифы следовало менять в соответствии с уровнем развития промышленности: поначалу «таможенная пошлина, оказывавшая покровительство известной отрасли промышленности, должна была постепенно возвышаться вместе с расцветом этой промышленности, переходя в полное запрещение тогда, когда внутреннее производство может удовлетворить запросу внутренних потребителей», однако впоследствии «Пётр Великий предполагал переходить к тарифу более свободному, по мере того, как русские фабрики в состоянии будут выдерживать соперничество иностранцев»⁶⁰.

Хотя Бунге не скрывал симпатий к умеренному фритредерству, он в то же время указывал вел. кн. Николаю Александровичу на пределы применимости низкого тарифа, доказывая на историческом материале вред резкого изменения пошлин. Так, в 1822 г., по его мнению, «от одной крайности перешли к другой, — от тарифа, который был гибелен для внутреннего производства, по внезапному предоставлению последнего свободному

⁵⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 211.

⁵⁶ Чивилёв, бывший некогда профессором Московского университета, по рекомендации гр. Строганова был приглашён на должность наблюдателя за учебными занятиями великих князей Александра и Владимира Александровичей (РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 99).

⁵⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 9, л. 2.

⁵⁸ ОР РНБ, ф. 550, Ф. II, д. 235. Рукопись курса Бунге с пометками и записями вел. кн. Николая Александровича сохранилась в ГА РФ (ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 8). На переплёте золотыми тиснёнными буквами ошибочно указано: «Политическая экономия. Лекции пр[офессора] Чивилёва». Черновой вариант по завещанию Бунге был передан в Императорскую публичную библиотеку (Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1898 год. СПб., 1902. С. 137–141).

⁵⁹ Степанов В.Л. Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х — первая половина 1870-х гг.) // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 499–500.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 550, Ф. II, д. 235, л. 334, 332 об.—333.

соперничеству с иноземным производством, обратились к запрещениям и ограничениям, которые вызвали слишком быстрое и искусственное развитие разных отраслей фабрикации, причём предприниматели заботились не о дешевизне производства и не о качестве товаров, а только о количестве произведений, находя выгодным производить много, даже при самых неблагоприятных условиях»⁶¹. Тем самым профессор рекомендовал наследнику престола в первую очередь учитывать экономическую, а не идеологическую конъюнктуру.

Проблема изменения тарифных ставок затрагивалась и на лекциях по финансам и статистике, которые в 1865—1866 гг. читал вел. кн. Александру Александровичу статский советник Ф.Г. Тернер, окончивший Петербургский университет и служивший тогда вице-директором Департамента внешней торговли Министерства финансов⁶². Рассматривая историю и современное состояние таможенной политики, он заключал: «Нельзя не желать дальнейшего понижения нашего тарифа, но, с другой стороны, принимая в соображение интересы нашей фабричной и мануфактурной промышленности, возникшей под охраною высокого тарифа, нельзя не согласиться, что это понижение должно происходить постепенно, так как всякий слишком резкий переход мог бы нанести ущерб нашей промышленности»⁶³. Однако новый наследник престола не разделял взглядов своего преподавателя, понимая их слишком прямолинейно. «Когда я объяснял ему вредные последствия чрезмерного таможенного покровительства, — вспоминал Тернер, — его высочество, внимательно выслушав все мои объяснения, под конец высказал мне откровенно, что, по его мнению, русская промышленность всё же нуждается в значительной охране»⁶⁴. Протекционистские симпатии цесаревича отчасти объяснялись влиянием Мещерского, помогавшего ему готовиться к занятиям⁶⁵. Так, в мае 1866 г. вел. кн. Александр Александрович писал в дневнике: «В 10 пришёл В.П. Мы читали с ним записки Победоносцева о министерствах, а потом для Тернера о таможенном сборе; когда дошли до теории свободной торговли, то бросили читать эту глупость и начали разговаривать»⁶⁶.

Ещё одним противником фритредерства в окружении великих князей был профессор Московского университета И.К. Бабст, в 1862—1863 гг. преподававший вел. кн. Николаю Александровичу статистику и сопровождавший его в 1863 г. в путешествии по России⁶⁷. После смерти брата вел. кн. Алек-

⁶¹ Там же, л. 333 об.—334.

⁶² Следует отметить, что Тернер не читал цесаревичу лекции по политической экономии, как указывается, например, во вступительной статье к публикации его записки Александру III («Соображение об экономическом и финансовом положении государства». Записка управляющего министерством финансов Ф.Г. Тернера императору Александру III. 1892 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 159). «Политическую эконом[ию] преподаёт наш милый Александр Иванович (Чивилёв. — Ф.М.)», — писал вел. кн. Александр Александрович старшему брату (ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 22, л. 16 об. О переписке великих князей подробнее см.: Мелентьев Ф. Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8—10).

⁶³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 8, л. 77.

⁶⁴ Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 49.

⁶⁵ См., например, составленный кн. Мещерским конспект о налогообложении в России: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 195, л. 28—29 об.

⁶⁶ Там же, д. 299, с. 68.

⁶⁷ Это путешествие было описано им вместе с Победоносцевым в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (М., 1864). Подробнее см.:

сандр Александрович просил Чивилёва пригласить Бабста для преподавания ему. Между тем Победоносцев отмечал в дневнике: «Чивилёв терпеть не может Бабста за то, что он не *free-trader*, а может быть, и по личным отношениям, и настоял, чтобы назначили не Бабста, а Тернера. Всё это они (Чивилёв и попечитель наследника гр. Б.А. Перовский. — *Ф.М.*) сделали, даже не переговорив с вел[иким] князем»⁶⁸. Это в известной мере объясняет то недоверие, с которым вел. кн. Александр Александрович смотрел на Тернера и его лекции. Характерно, что в окружении наследника престола не только не пытались сгладить имевшиеся противоречия, но ещё больше их обостряли. В 1867 г. кн. Мещерский предлагал цесаревичу позвать на вечер Бабста и Тернера «для споров и задушевной болтовни» и чтобы «заставить их друг с другом сцепиться», а затем пригласить только Бабста «для объяснения всего, что к вопросу о тарифе относится»⁶⁹. Вокруг будущего императора уже разворачивалась борьба различных влияний и взглядов.

Так или иначе, Бабст, вопреки мнению некоторых авторов⁷⁰, не преподавал вел. кн. Александру Александровичу, хотя действительно был близок к нему и сопровождал его в путешествиях по России в 1866 и 1869 гг.⁷¹ Наследник престола отзывался о нём как «о человеке, которого я знаю лично и которого я уважаю как лучшего профессора финансов, и которого мой покойный брат любил и уважал»⁷². Характерно, что хотя Бабст не читал великим князьям лекции о финансах, воспринимался он как специалист именно в этой сфере. К вел. кн. Николаю Александровичу Бабста пригласил ещё Титов, по поручению которого Иван Кондратьевич составил особую записку «об элементарном способе преподавать статистику в связи с государственным хозяйством»⁷³. Это сочинение Титов «имел случай подносить на усмотрение некоторых особ августейшей фамилии» (в первую очередь — вел. кн. Елене Павловне) и сообщал Бабсту, «что по прочтении слышал отзывы вполне одобрительные и лестные для автора»⁷⁴.

Записка профессора имела отчётливо публицистический характер, а некоторые особо важные её места были подчёркнуты карандашом одним из читателей. «Всякий произвол, — говорилось в одном из таких фрагментов, — может только потрясти и нарушить народное благосостояние». Соответственно, будущему самодержцу предстояло понять, что его власть имеет вполне осязаемые границы. Подчёркнуто в тексте было и указание на то, что главная задача преподавания — развить в наследнике престола «сочувствие ко всем нуждам народным». Неизвестный читатель обратил также

Мелентьев Ф.И. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 215–230. См. также дневник, который вёл Бабст во время путешествия в 1863 г.: ОПИ ГИМ, ф. 44, оп. 1, д. 3, л. 37–55 об.

⁶⁸ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 100.

⁶⁹ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011. С. 393.

⁷⁰ См., в частности: *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М., 1974. С. 180.

⁷¹ См., например, дневник Бабста о путешествии с наследником в 1869 г.: ОР РГБ, ф. 512, карт. 1, д. 13, л. 30–34 об.

⁷² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 301, с. 145.

⁷³ Там же, ф. 647, оп. 1, д. 281.

⁷⁴ ОПИ ГИМ, ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 83 об.

внимание на слова о необходимости учитывать европейский опыт и о том, что «общественное пользование землёю» позволит избежать пролетаризации населения⁷⁵. Последнее замечание в конце 1850-х гг. звучало весьма злободневно⁷⁶. По сути эта программа представляла своего рода манифест либерально-реформаторских идей, которые предполагалось не только прививать цесаревичу, но и внушать императору. Тем не менее Бабст, по-видимому, не успел приступить к занятиям и в связи с отстранением Титова в 1858 г. был вынужден отказаться от преподавания⁷⁷.

Вновь приглашённый уже Строгановым, Бабст читал вел. кн. Николаю Александровичу лекции по статистике⁷⁸. Именно из этого курса наследник должен был узнать о населении Российской империи, его размещении, этнографии, быте и потребностях. Особое внимание Бабст обращал на сельских жителей Белоруссии и Литвы, которые находились под польским влиянием, но, по мнению профессора, ссылавшегося на историю и этнографию, являлись не поляками, а русскими, малороссами или белорусами. «Статистика и её цифры доказывают ещё лучше, как справедливы польские притязания на Западный край», — иронизировал Бабст, поскольку, по его сведениям, «говорящих русскими наречиями вообще в Западном крае в шесть раз более, чем говорящих на польском языке»⁷⁹. Таким образом, преподавание статистики становилось одним из инструментов формирования отношения цесаревича к западным окраинам.

Вместе с тем следует отметить, что лекторы, как правило, избегали конкретных рекомендаций и однозначных выводов. Некоторые из профессоров, как, например, Б.Н. Чичерин, полагали к тому же, что «специальный взгляд» для наследника престола «может быть вреден»⁸⁰. Неудивительно, что лекции по государственному праву, которые читали великим князьям Чичерин и Андреевский, были одними из наиболее «отвлечённых» и далёких от русской действительности⁸¹. Осмысление общих принципов государственного управления представлялось им более важным для будущего самодержца, чем казавшееся излишним погружение в детали.

Вел. кн. Николаю Александровичу импонировал теоретический характер читавшихся ему лекций. «Положительный и быстро схватывавший ум великого князя, — вспоминал Бунге, — требовал не популярного, но строго научного, серьёзного изложения предмета»⁸². «Самые отвлечённые

⁷⁵ ГА РФ, ф. 647, оп. 1, д. 281, л. 2 об., 3 об., 8, 9 об.

⁷⁶ Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 5. С. 36–43.

⁷⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 272.

⁷⁸ РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 133.

⁷⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 14, л. 24–25. Подробнее см.: Комзолова А.А. Арифметика русификации: статистика этноконфессионального состава населения Северо-Западного края Российской империи (середина XIX в.) // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. С. 550–564.

⁸⁰ К биографии цесаревича Николая Александровича: два письма Б.Н. Чичерина к К.П. Победоносцеву // Русский архив. 1910. Кн. 2. Вып. 6. С. 311–312.

⁸¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2721, ч. 1–2; д. 2749, ч. 2. Впоследствии Чичерин издал «курс государственной науки», в основе которого лежали лекции для студентов Московского университета и наследника престола, однако между рукописью и опубликованным текстом имеются существенные отличия. См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.

⁸² Бунге Н.Х. От переводчика // Гок К., фон. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Киев, 1865. С. IV.

мысли, — писал Чичерин, — категорический императив Канта, философское учение Гегеля легко усваивались даровитым юношей»⁸³. «Все мои теперешние серьёзные лекции, — с явным удовлетворением сообщал цесаревич императрице Марии Александровне, — имеют связь между собою, имеют философический характер». Однако в этой теоретичности со временем всё сильнее ощущалась некоторая оторванность от жизни. Лекции, признавался вел. кн. Николай Александрович, «это мой дорогой, особый мир; в нём я живу и кроме него... почти ничего не знаю. Говорю и краснею, потому что мало знаю, что делается вокруг. Зато будет время это узнать, и этим можно утешиться; а если не составлю теперь себе свой маленький мир, то много потеряю. В том и состоит его прелесть, что он выше, чище мира настоящего, действительного»⁸⁴. Между тем вел. кн. Александра Александровича, который не признавал «умствований», излишняя учёность, по-видимому, только сбивала с толку. Сложные рассуждения казались ему неинтересными или вовсе лишёнными смысла. Недаром напротив одной из непонятых им фраз Победоносцева в курсе русского государственного права он со свойственной ему непосредственностью написал: «Глупость»⁸⁵.

Сведения о России, содержащиеся в лекционных курсах, которые читались наследникам престола в эпоху Великих реформ, складывались в противоречивую и фрагментарную картину. С одной стороны, Российская империя представлялась европейской страной с большим будущим. С другой стороны, по словам преподавателей великих князей, она имела существенные отличия от западного мира, а европейская социально-политическая мысль противоречила основам, на которых зиждилось русское самодержавное государство. Вместе с тем на деле лекционные курсы не так уж много давали для «профессиональной» подготовки наследников престола к управлению страной. Они способствовали сближению великих князей с университетской профессурой (а некоторые профессора заняли впоследствии высокие посты), но не позволяли в полной мере понять систему управления государством и не облегчили тому же вел. кн. Александру Александровичу последующее довольно болезненное непосредственное включение в работу правительственного аппарата (присутствие на всеподданнейших докладах, участие в заседаниях Государственного совета и различных комиссий)⁸⁶. Между тем, плохо понимая характер деятельности бюрократии, цесаревич всё менее ей доверял, что заметно повлияло на его политику после вступления на престол.

⁸³ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 66.

⁸⁴ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 33, л. 16–16 об.

⁸⁵ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 58.

⁸⁶ Подробнее см.: Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.